

Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 136–143
Speech Genres, 2021, no. 2 (30), pp. 136–143

Научная статья
УДК 82.09

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-136-143>

Жанр литературного прогноза в современной критике

Ю. А. Говорухина[✉], Ю. Н. Дмитриева

Сибирский федеральный университет,
Россия, 660041, г. Красноярск, просп. Свободный, д. 79

Говорухина Юлия Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и литературоведения, yuliya_govoruhina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2675-5909>

Дмитриева Юлия Николаевна, магистрант, djuna98@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1210-4240>

Аннотация. Статья посвящена проблеме жанра, которая исследуется в теоретико-критическом и историко-литературном аспектах. Результаты сравнительно-типологического анализа текстов, содержащих суждения о будущем литературы, дают основание говорить о литературном прогнозе как самостоятельном жанре и обновить, таким образом, существующие классификации. Жанровыми носителями стали тема, проблематика, задачи критика, а также особенности структуры текста, ракурс изображения литературы.

Будущее литературы как главная тема прогноза определяет процедуру специфического критического миромоделирования. Задачи критика: предположить сценарии развития литературы; оценить современную литературу в перспективе будущего. Структура литературных прогнозов включает рефлексию предстоящей задачи; определение некой «точки опоры», позволяющей «собрать» образ будущего; картину будущего (или настоящего в перспективе будущего); концовку. Критики вербализуют страх прогнозирования. Страх критиков связаны не столько с неопределенностью будущего как предмета осмысления, сколько с неприемлемостью статуса пророка, изживаемого на рубеже XX–XXI веков на волне постмодернизма и кризиса литературоцентризма. Создавая образы будущего, критики опираются на фигуру читателя, его запросов, на жизнь в ее социокультурной динамике, незавершенные тенденции.

Жанровый анализ дополняется исследованием содержания литературных прогнозов, позволяющим получить представление об особенностях литературно-критического мышления на рубеже XX–XXI веков, диагоналях, которые ставит критика современной литературе в перспективе будущего. Критика рубежа XX–XXI веков демонстрирует неизжитую травму от утраты былого статуса (критики и литературы), от утраты позиций интеллектуальной прозы и поэзии. Эта осознаваемая «недостача» в настоящем определяет картины будущего.

Ключевые слова: литературная критика, литературный прогноз, жанр

Для цитирования: Говорухина Ю. А., Дмитриева Ю. Н. Жанр литературного прогноза в современной критике // *Жанры речи*. 2021. № 2 (30). С. 136–143. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-136-143>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-136-143>

Literary forecast genre in modern criticism

Y. A. Govorukhina[✉], Y. N. Dmitrieva

Siberian Federal University, 79 Svobodny Av., Krasnoyarsk 660041, Russia

Yuliya A. Govorukhina, yuliya_govoruhina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2675-5909>

Yuliya N. Dmitrieva, djuna98@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1210-4240>

Abstract. The article deals with the problem of the genre, which is studied in the theoretical-critical and historical-literary aspects. The results of the comparative typological analysis of texts containing judgments about the future of literature give ground to talk about the literary forecast as an independent genre and thus update the existing classifications. The genre carriers are the topic, problems, tasks of the critic, as well as the structure of the text, the image of the literature.

The future of literature as the main theme of forecasting determines the procedure for specific critical world modeling. Tasks of the critic are to offer scenarios for the development of literature; evaluate contemporary literature from the perspective of the future. The structure of literary forecasts includes reflection on the task; finding of a “fulcrum”, allowing to create the image of the future; a picture of the future (or the present in the future perspective); the ending. Critics verbalize fear of forecasting. The fears of critics are connected not only with the uncertainty of the future as a subject of comprehension, but with the unacceptability of the status of a prophet, which is being outlived at the turn of the XX–XXI centuries on the wave of postmodernism and the crisis of literary centrism. Creating images of the future, critics draw on the figure of the reader, their requests, life in its socio-cultural dynamics, unfinished tendencies.

The genre analysis is supplemented by a study of the content of literary forecasts, which allows to get an idea of literary critical thinking at the turn of the XX–XXI centuries, the diagnoses which criticism gives to the modern literature. Criticism of the turn of the XX–XXI centuries demonstrates an enduring trauma from the loss of its former status (of both criticism and literature), from the loss of the position of intellectual prose and poetry. This perceived “lack” in the present defines the picture of the future.

Keywords: literary criticism, literary forecast, genre

For citation: Govorukhina Y. A., Dmitrieva Y. N. Literary forecast genre in modern criticism. *Speech Genres*, 2021, no. 2 (30), pp. 136–143 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-2-30-136-143>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

На рубеже XX–XXI веков литературная критика не только подводила итоги десятилетней и столетней истории развития литературы, но и обращалась к области более зыбкой – будущему. В рубриках «Прорицатель» [1], «Конференц-зал»¹, в статьях Г. Чхартишвили «Похвала равнодушию. Приятные рассуждения о будущем литературы» [4], Р. Ибатуллина «Взгляд на русскую литературу 2183 года» [5] и др. критики описывали желаемую (идеальную) картину будущего и, наоборот, предлагали сюжеты-катастрофы. Прогнозирование стало востребованным, и этот факт породил исследовательский вопрос: возможно ли говорить о литературном прогнозе как отдельном критическом жанре? Актуальность темы, на наш взгляд, связана не только с возможностью обновления существующих классификаций критических жанров, но и с перспективой на основе прогнозов реконструировать значимые для современной критики ценностные установки, актуальные представления об опасных и перспективных литературных тенденциях.

Теоретические и методологические основания

Теория критики, возникшая в 1970-е годы, в первые же годы своего существования обозначила исследовательские проблемы, одной из которых был вопрос о специфике литературно-критического жанра. Теоретическая разработка критического жанра была представлена в работах Б. Ф. Егорова «О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стил»

[6], А. Г. Бочарова «Жанры литературно-художественной критики» [7], М. Г. Зельдовича «Программность критики и критические жанры. К постановке проблемы» [8]. В своих исследованиях ученые в качестве отправного используют самое общее понятие жанра, сложившееся в теории литературы, с акцентом либо на содержательных, либо на формальных носителях жанра. Так, М. Г. Зельдович говорит о жанре как об исторически сложившемся устойчивом и вместе с тем динамическом типе структуры произведения, содействующем творческой реализации автора и одновременно выступающим ее своеобразным примечательным аспектом [8: 89]. Д. Е. Максимов ориентирован на типологию содержательную: «Жанр критической прозы есть производная основной жанрообразующей силы, то есть содержания критического произведения, тематического задания автора, его литературной личности и – наряду с этим – предлагаемых эпохой, более или менее стандартных для данного времени вариантов печатного оформления (вторичный момент)» [9: 271]. Ближе к специфике литературно-критического жанра, на наш взгляд, подошел А. Г. Бочаров, отметивший специфику проблемности, предметности и композиционных структур критических жанров [7: 5]. В работе мы опираемся на его определение сущности критического жанра, а также на суждение В. Н. Крылова о том, что «жанр в литературной критике выступает категорией мышления, в которой преломляется метод критики, стилистика эпохи. Он выполняет формообразующую роль, являясь принципом “моделью” структурной организации критического дискурса» [10: 63].

¹В рубрике «Конференц-зал» публикуются материалы дискуссий «Поэзия XXI века. Жизнь без читателя?» [2], «Раз в крещенский вечерок...» Литературные мечтания» [3], посвященных будущему русской литературы.

Теория критики разработала несколько классификацией жанров литературной критики. Л. П. Гроссман выделил 17 типов критических высказываний [11]. М. Я. Поляков, исходя из критерия структурно-композиционного соотношения литературного факта и проблематики выделяет четыре типа жанров критики: интерпретационные, идеологизированные, с переходом от факта к факту, рефлексивные и полемические жанры [12]. А. Г. Бочаров обозначает три опорных жанра: рецензия, творческий портрет, статья [7: 6]. Ни одна из классификаций, существующих на сегодняшний день, не включает литературный прогноз как самостоятельный жанр. Это входит в разрез не только с востребованностью прогноза на рубеже XX–XXI веков, но и с представлениями о специфике задач критики. Традиционно в их число включают интерпретацию и оценку литературных произведений и явлений, транслирование эстетических ценностей и формирование культуры чтения, а также (и это важно для нашего исследования) определение перспектив развития литературы. Так, например, М. Г. Зельдович, когда обосновывает концепцию программности критики, пишет о ее способности и свойстве «в ходе решения своих творческих проблем, на основе анализа и осмысления (когда требуется – и теоретического обобщения) отдельного произведения, наследия писателя, тенденций, закономерностей литературного процесса данного (а когда требуется – и предшествующего) времени определять задачи и перспективы литературного развития» (курсив наш. – Ю. Г., Ю. Д.) [8: 88]. О способности прогнозирования как о качестве профессионального критика пишет С. М. Казначеев: «Умение раньше других почувствовать и обозначить еще не ясные для других веяния представляет собой неопределимое качество. Способность увидеть талант, быть может, еще не развитый, приметить, так сказать, зачатки дарования в новом перспективном явлении – знак критической мудрости и проницательности» [13: 190].

По-видимому, литературный прогноз как отдельный жанр не выделялся исследователями, потому что материалом типологического анализа в 1970–80-е годы была преимущественно критика XIX–XX века, которая включала лишь элементы прогнозов, встраивающихся в структуру проблемных статей. На рубеже XX–XXI веков появляются собственно прогностические критические высказывания. Этот факт позволяет на основе сравнительно-типологического анализа выявить повторяющиеся формально-содержательные элементы в данном типе критических текстов и обосновать

существование самостоятельного жанра литературного прогноза.

Тема, проблематика, задачи прогноза

Главной темой литературных прогнозов является будущее литературы. Как правило, критики не уточняют временную перспективу, ограничиваясь формально употреблением глаголов будущего времени. Исключением является статья Р. Ибатуллина «Взгляд на русскую литературу 2183 года» [5].

Интерес к теме будущего на рубеже XX–XXI веков обусловлен общим ощущением пограничности существования, кризиса, который переживает литература, «толстые» журналы, издательское дело и особенно литературная критика. Утратив былой статус властителя умов, критика ностальгически вспоминает прошлое, лихорадочно заполняет лакуны, осваивая возвращенную литературу и при этом порождает новые «белые пятна», не успевая за новейшими произведениями. Взгляд в будущее в этой ситуации – это и форма эскапизма, но не ностальгического, а развернутого в желаемое грядущее, и попытка предостережения от опасных тенденций, уже проявляющихся в настоящем.

Тема будущего предполагает процедуру миромоделирования, не художественного, но специфического, аналитического. Об этой функции говорят сами критики. Так, по мнению Д. Бавильского, «критик использует текст как единственный источник информации о реальности, исходя из которой он, в свою очередь, сочиняет свою собственную модель данного ему мира» [14: 148]. В. Пустовая отличительной чертой критиков «большого стиля» называет «построение собственного мира, подобно тому, как писатель создает индивидуальный художественный мир» [15: 154]. А. Рудалев пишет: «А раз это “литературный жанр” (о литературной критике. – Ю. Г., Ю. Д.), то, видимо, и должна она <...> работать, не только раскрывая чужой (по типу отношений автор – герой), но и творить свой собственный художественный мир, отвечать на вечные вопросы и вызовы современности, отстаивать свою систему ценностей, препарировать антиутопию и кирпичиками возводить новую утопию» [16: 55].

Моделирование будущего осуществляется в рамках специфического для литературного прогноза проблемного поля, которое не связано исключительно с будущим, но включает в качестве важнейшей проблему поиска перспективных путей развития литературы. Одновременно актуальной оказывается проблема моделирования будущего исходя из позитивных либо негативных тенденций в настоящем.

Задачи критика-прогнозиста: предположить сценарии развития литературы; оценить современную литературу в перспективе будущего; убедить читателя в своем представлении о продуктивном / художественно ценном / истинном / жизнеспособном.

Структура литературных прогнозов

Литературные прогнозы имеют повторяющуюся структуру не зависимо от объема прогностического суждения: это может быть развернутое высказывание в рамках дискуссии или статья. Она включает следующие элементы: рефлексия предстоящей задачи (в экспозиции); определение некой «точки опоры», позволяющей «собрать» образ будущего; картина будущего (или настоящего в перспективе будущего); концовка, варьирующаяся в прогнозах-мечтах и «рецептах».

Экспозиционная часть проанализированных прогнозов схожа содержательно и эмоционально. Критики вербализуют некий страх прогнозирования. С. М. Казначеев отмечает: «Это рискованное занятие (прогнозирование. – Ю. Г., Ю. Д.), тут возможны ошибки: недооценка способностей дебютанта или, наоборот, излишние, несоразмерные дарованию авансы» [13: 191]. Прогнозы, послужившие материалом нашего исследования, выходят за границы творчества отдельного автора и распространяются на литературу в целом. А эта задача еще более ответственная и рискованная.

Н. Елисеев восклицает: «Как изменится отечественная литература в ближайшие годы и какие художественные смыслы и формы будут в ней наиболее востребованы? *“Вот вопрос! Да вы просто гробите меня этим вопросом!”* – как было сказано в одном замечательном позднесоветском теледетективе» [3: 185]. С. Солоух, намекая на ничтожность человека в масштабах мироздания, задается вопросом: «...сам всего лишь навсегда продукт экспериментов с глиной и костным материалом, то – какие прорицания?» [1] и выбирает формат мечты как не обязывающего ни к чему размышления: «Только мечты. Несбыточные грезы. Фьить. Воздуха кратковременное колебание» [1].

Вербализацию страха делает важным элементом структуры прогноза момент осознанности его включения. Допустим, критик охвачен неким ощущением страха, представляя, какая задача стоит перед ним. Он принимает решение заявить об этом чувстве, несмотря на то что главным предметом рассуждений будет именно литературное будущее. Критик не только фиксирует страх, но и называет его причины, включает своего рода оправдания на случай несоответствия прогноза и реальности.

В качестве причин страха называются непредсказуемость развития литературы (Л. Костюков: «В отдаленном будущем – главное свойство – литература будет непредсказуемой, не видной отсюда» [1]; М. Эдельштейн вспоминает знаменитую фразу Юрия Тынянова о том, что русской литературе бесполезно делать заказы [1]), субъективность, которая определяет взгляд в будущее (В. Губайловский: «Любой прогноз субъективен. И потому, что взгляд прогнозиста неизбежно ограничен; и потому, что прогнозист, хочет он того или нет, самим фактом высказывания вторгается в область возможного и пытается выстроить будущее таким, каким хотел бы его видеть» [1]), бесполезность, невостребованность, опасность прогноза (В. Губайловский: «Прогнозирование – дело либо бесполезное, либо опасное <...> тот единственный случай, который действительно касается будущего, может исказить и сломать хрупкую структуру этого будущего <...> Может повредить неумеренностью ожиданий или заблаговременным скепсисом, который не опасен для утвердившегося явления, но может сделать невозможным рождение или повредить становлению <...> я не хочу всматриваться в будущее его прозы, потому что боюсь угадать» [1]; С. Афлатуни: «А вообще, давать советы – дело такое же неблагоприятное, как предсказания; эксперты высказываются – караван идет...» [1]).

Журнал «Знамя» публикует серию прогнозов под общим названием ««Раз в крещенский вечерок...» [3]. Литературные мечтания», отсылающим к балладе В. А. Жуковского «Светлана», к сцене гадания. Редакция предпочитает не использовать слово «прогноз», заменяя его на менее «ответственное». И совпадает в этой идее с общим настроением критиков-прогнозистов, которые предпочитают другие обозначения: мечты, грезы, советы, предсказания, размышления о будущем: «Только мечты. Несбыточные грезы» (С. Солоух [1]), «И я не удивлюсь и вряд ли оскорблюсь, если 99,9% людей пошлют меня с моими мечтами на три буквы» (Р. Сенчин [3: 198]), «Что же до пророчеств (или, скажем скромнее, размышлений) о будущем...» (М. Эдельштейн [1]). Вторая часть наименования рубрики («Литературные мечтания») помимо аллюзивного значения также фиксирует альтернативную номинацию с акцентом на субъективность проговариваемого. Слово «гадание» использует в своем прогнозе и Е. Иваницкая. Критик перекладывает ответственность за представляемую картину будущего на воображаемое зеркало: «Что ж, попробую погадать. Навожу зеркало на луну литературы <...> Но ска-

жи, зеркало, какие смыслы и художественные формы будут в литературе востребованы?» [3: 195]. Посредник здесь «говорит» за автора, может исказить, отразить неверно.

На наш взгляд, проговариваемые страхи критиков связаны не столько с неопределенностью будущего как предмета осмысления, сколько с неприемлемостью статуса пророка, изживаемого на рубеже XX–XXI веков на волне постмодернизма и кризиса литературоцентризма. В 1990-е годы либеральной критикой отвергается образ авторитетного, всезнающего, направляющего критика, приветствуются множественность интерпретаций и образ критика-наблюдателя.

Неуверенность заставляет критиков искать некую точку опоры, которая позволила бы «собрать» зыбкое литературное будущее, обнаружить в нем тенденции, увидеть перспективные или негативные сценарии развития. Проговаривание критиком этой опоры – отдельный композиционный элемент текста-прогноза, располагающийся, как правило, после вербализации страха в экспозиционной части. Формальным показателем данного элемента являются суждения, построенные по модели «изменение / развитие в результате чего-либо»: «Литературу **создают** (здесь и далее выделено нами. – Ю. Г., Ю. Д.) читатели» (Н. Елисеев [3: 186]); «Отечественная литература **изменяется** вслед за общественно-политическими потрясениями» (Е. Иваницкая [3: 195]); «Будущее русской литературы **напрямую зависит** от будущего России» (М. Галина [1]); «Трансформация художественных форм **детерминирована** ускорением темпа жизни» (А. Жучкова [3: 192]) и др.

Сравнительно-типологический анализ прогнозов позволил выделить следующие «опоры», определяемые критиками.

1) Читатель.

Участники дискуссии «Поэзия XXI века: жизнь без читателя?» едины во мнении о том, что будущее литературы зависит от наличия или отсутствия читателя. Фигуру читателя называет точкой отсчета Н. Елисеев: «*Более или менее массовый слой читателей создает литературу*» [3: 186]. По мнению критика, именно читатель в своем желании развиваться может определить развитие литературы. Д. Бавильский конкретизирует: не столько читатель, сколько его образ жизни: «*Нужно понять, как литература связана с современным образом жизни, нынешней структурой современного чтения, как она завязана на новые носители <...> и насколько она зависит от маркетинга*» [1]. Критики выстраивают прогнозы исходя из предполагаемых предпочтений читателя.

2) Жизнь в ее социокультурных аспектах и динамике.

Обусловленность развития литературы динамикой жизни – наиболее частотная «опора» в современной критике. Напрямую заявляют эту зависимость Е. Иваницкая: «*Итак, опыт двадцатого века (после 17-го года) свидетельствует и, вероятно, доказывает, что отечественная литература изменяется вслед за общественно-политическими потрясениями*» [3: 195] и М. Галина: «*Будущее русской литературы напрямую зависит от будущего России*» [1]. А. Жучкова полагает, что изменение форм и смыслов в современности обусловлено новым темпом жизни: «*Трансформация художественных форм детерминирована ускорением темпа жизни. <...> Мы считываем смыслы гораздо быстрее, чем двадцать-тридцать лет назад*» [3: 192]. Предполагая разные сценарии политической, экономической, социальной жизни страны, критики предсказывают движение литературы, ее взлеты и падения.

3) «Недостача» в настоящем.

Под «недостачей» мы имеем в виду отсутствие жизненно важного для литературы условия, направления, темы, героя, с появлением которых в будущем связывает надежду критик. Так, Р. Сенчин мечтает о возвращении драматургии, переживающей затянувшийся кризис в настоящем [3: 199], С. Солоух – о возвращении былого статуса литературы [1], для Л. Костюкова «недостача» – в политике «толстых» журналов, их ориентации на «раскрученных» авторов, а не на молодых и неизвестных [1].

4) Незавершенные в настоящем литературные тенденции.

Данная опора является самой «удобной» для критика, она снижает степень риска. Вполне естественно предположить, что сильные тенденции в современной литературе какое-то время будут актуальны. Для Д. Марковой это беллетризация и сегментация литературы, для С. Афлатуни – расслоение на литературу коммерческую и некоммерческую [1], для А. Данилова – протест и эксперимент как главные содержательные тенденции в настоящем [1].

Прогнозы: сценарии, рецепты, мечты

Литературные прогнозы, публикуемые в «толстых» журналах, содержательно разнообразны и позволяют применить к ним несколько классификационных критериев. В основу первой классификации мы положили модус видения будущего. В результате оказалось возможным разделить все множество прогнозов на позитивные, негативные (количественно преобладающие) и нейтральные. Анализ этих прогнозов позволяет реконструировать актуальные для современной критики

критерии эстетической ценности текста и шире – явления, тенденции.

Негативный прогноз рисует сценарии стремительной примитивизации литературы, обнаруживая начало тенденции в 1990-е. Традиционно под примитивизацией критики понимают упрощение содержания текстов, ориентацию на массовую литературу и на модели бестселлеров. На рубеже XX–XXI веков критику помимо этого тревожит и упрощение языка как результат чрезмерной увлеченности разговорным стилем. Так, Н. Елисеев утверждает: *«Если же говорить о языке русской литературы, то он (все с той же стремительной неуклонностью) будет приближаться к ложной красивости – с одной стороны, с другой – к блатной фене и... мату»* [3: 188].

Маркерами процесса примитивизации для критиков становится приобретение литературой просветительского характера, наплыв непрофессиональных писателей, не знающих классику, использующих пособия по написанию книг, «бесхитростно» (Н. Елисеев) и честно описывающих свою жизнь, ориентации писателей, издательств, журналов на выгоду, бренды. Финал негативного сценария – уход серьезной литературы в гламур, в массовый литературный сектор, утрата функции формирования элитарного типа речевой культуры.

Негативный сценарий предусматривает и продолжающуюся сегментацию литературы, опасную ее тотальной разрозненностью, разрушением единого литературного процесса. Речь идет о жанровой сегментации (каждый жанр, по мнению Н. Елисеева, будет писаться для определенной читательской аудитории: *«Все забьются в свои ниши. Фантасты будут обслуживать своих фэнов. Бульварщина скатится на воеве и совсем недостижимый уровень. Детективы забьются в ту же дырку. То, что называется серьезной литературой, будет, конечно, обороняться до последнего, но бой (по-моему) безнадежен»* [3: 189]); о сегментации по принципу «элитарность – массовость» (Д. Дмитриев: *«Часть высококолых писателей, не приспособившись к новым условиям и не смирившись с утратой первенства, назовет себя духовным андеграундом и станет нетерпеливо ожидать нового витка истории»* [1], М. Галина: *«Литература займет то место, которое она занимает везде. Какая-то ее часть уйдет в рыночный сектор – анонимные проекты, имена-бренды, сериалы, беллетризация кинофильмов и мыльных опер... Но это малоинтересная материя. Часть уйдет в сугубый эксперимент – интересный только критикам и узким специалистам»* [1]).

Позитивные прогнозы критиков по сравнению с вполне реалистическими негативными

видятся более зыбкими, фантастическими, высказываются в форме мечты, желаемого. В этих мечтах, как правило, рисуется обновление литературы. Анализ прогнозов позволяет реконструировать представления современных критиков о потенциально продуктивных изменениях в литературе. Ими могут стать взаимодействие традиционализма и эксперимента, деревенской прозы / проблематики и городской, сетевой литературы и «бумажной». Как видим, критика ориентирует не на поиск «золотой середины», а на творческое освоение иного эстетического опыта, на диалог, результатом которого станет обогащение как формы, так и содержания. Источником обновления ряда критиков видится Интернет, который разнообразит систему жанров, задаст новые форматы сотворчества автора и читателя. М. Галина более категорична: *«В более отдаленном будущем, полагаю, литературный процесс полностью переместится в Сеть»* [1]. Обновление в пафосе литературы предполагает А. Данилов [1]. По мнению критика, увеличится количество текстов патриотических, славянофильских, православных, позитивных и искренних, не заказных и потому интересных, текстов с созидательной идеологией.

Еще один позитивный сценарий – возвращение былого авторитета литературы. Современные прогнозы фиксируют актуальное здесь и сейчас понимание критикой феномена авторитетности. Ранее авторитетность понималась как такое влияние на сознание читателя, которое бы формировало мировоззрение, ценностные ориентиры: в литературе читатель искал ответы на жизненно важные вопросы, черпал модели поведения. В прогнозах рубежа XX–XXI веков авторитетность измеряется в формальных, просчитываемых показателях. Это, во-первых, присутствие литературы на всех информационных платформах (включая телевидение, Интернет), увеличение литературных площадок (Д. Дмитриев: *«Число литературных площадок в Москве и в Питере возрастет до числа кинотеатров в годы застоя»* [1]) и литературных премий. Во-вторых, авторитетность литературы просчитывается коммерчески: видится рост бюджета литературных премий и гонораров. В-третьих, ожидается приход в литературу новых пушкиных, авторитетных имен, медийных и узнаваемых (Е. Вежлян называет их «паровозами» для остальных [2], С. Афлатуни – «экспертами» [1]. В. Елистратов ждет появления «патриотов» в ближайшем будущем, видит в этом знак неизбежного превращения России в литературную Мекку).

Вторая классификация прогнозов предполагает в качестве основания способ предсказания будущего. Она позволяет вычле-

нить следующие разновидности: прогноз-мечту и прогноз-рецепт. Первый не предусматривает негативный сценарий развития литературы, второй допускает эту возможность. Первый разворачивается в модусе желаемого, второй императивен. Прогнозы-рецепты более категоричны в оценке настоящего, в них чаще появляются тупиковые и апокалиптические сценарии развития литературы.

Формальным признаком прогноза-мечты являются лексемы со значением желаемого: «мечтаю», «надеюсь», «хочется (верить)», частица «бы» («был бы счастлив, если бы...»), «мечтал бы...»): «*Мечтаю, чтобы они перестали быть исключениями*»; «*...хочется умной фантастики*» (Р. Сенчин [3: 198]); «*Я был бы счастлив, я бы хотел, чтобы родную словесность приравнивали к футболу*» (С. Солюх [1]).

Для прогноза-рецепта характерен иной лексический ряд: лексемы со значением долженствования: «нужно», «должно», «надо / необходимо», инфинитивы-императивы типа «отказаться», «искать», «избегать», конструкции типа «главное не...»: «*...Надо найти автора<...> Он должен быть умным, но у него не станет его самоцелью*» (А. Жучкова [3: 194]); «*...решительно отказаться от репутации лаборатории*» (Л. Костюков [1]); «*Пожелание – избегать никаких стихов (а встречаются) и скучной прозы*» (Н. Рубанова [1]). С менее категоричным значением используются частица «бы», лексема «можно», конструкции типа «мне кажется...», «я бы предпочел...», «имеет смысл...», «стоит попробовать...»: «*Да и программу на "Культуре" бы "Знамени" построить*» (Н. Рубанова [1]); «*И все же, говоря о "соответствии требованию дня", можно было бы поработать именно над электронной версией*» (С. Афлатуни [1]); «*Одним словом, мне кажется, что нам стоит попробовать двинуться в сторону потерянного нами читателя какими-то другими, дополнительными путями*» (П. Крючков [2]); «*Может быть, действительно имеет смысл акцентироваться на формах и жанрах, ускользающих от книгоиздательского процесса?*» (Д. Бавильский [1]).

В структуре прогноза-рецепта предполагается некое условие: если следовать «рецепту», то это гарантирует «выздоровление», позитивную динамику в будущем, в противном случае возможны «осложнения». Эта структура определяет его композицию: в первой части прогноза рисуется проблемная ситуация в настоящем, далее критик предлагает «рецепт» и предполагает позитивный эффект. Затем проговариваются возможные негативные последствия игнорирования совета. В дискуссиях, инициированных «толстыми» журналами,

критики «выписывают рецепты» самим журналам, переживающим экономический и статусный кризис: проводить рекламную политику (Н. Рубанова дает такой совет: «*Плюс реклама: обязательно должна быть "подлая" реклама в СМИ...*» и далее рисует картину «выздоровления»: «*еще та культурная революция вышла б...*» [1]); расширять сферы распространения и быть более доступными (уходить от формата замкнутых воинствующих партийных сообществ, напоминающих «старообрядческие секты») (Д. Бавильский [1]), это делает журналы похожими на пушкинский общероссийский; отказаться от репутации издания-лаборатории и переориентироваться на качество, стабильную концентрацию разнородных удач без оглядки на литературную моду, это вернет читателя и былой авторитет (Л. Костюков [1]); изменить формат, уменьшить публикации «прописавшихся» авторов и увеличить число текстов, «параллельных, а то и перпендикулярных привычным» (Н. Рубанова [1]); разработать сетевую версию журнала, которая бы не дублировала «бумажную», но включила дополнительные позиции: материалы, не вошедшие в бумажный вариант (С. Афлатуни [1]), интерактивную критику и эссеистику (М. Галина [1]); пересмотреть структуру журнала, расширив рубрику литературно-критических и общегуманитарных статей, включив обзор современного материала; обновить дизайн (шрифт, иллюстрации, качество бумаги, это привлечет молодого читателя (Н. Рубанова [1]); ввести разные формы обратной связи с читателем: «*опрос, рейтинг авторов... В конце концов, можно премию выдавать раз в год... самому талантливому читателю, который, например, взял – да и угадал (почему нет? процесс непредсказуемый!) лауреата той же премии Белкина*» (Н. Рубанова [1]).

Выводы

Сравнительно-типологический анализ критических текстов, в которых рисуются картины будущего литературы, позволяет сделать вывод о возможности включения литературный прогноза в существующие жанровые классификации. Перед нами специфический вид литературной критики, для которого характерны особая тема (будущее литературы), своя проблематика (поиск перспективных путей развития литературы, моделирование будущего исходя из позитивных либо негативных тенденций в настоящем) и соответствующие ей задачи критика-прогнозиста (предположить сценарии развития литературы; оценить современную литературу в перспективе будущего; убедить читателя в своем представлении о продуктивном / художественно ценном / истинном), особая структура, включающая ре-

флексию предстоящей задачи, вербализацию страхов и оправдания в экспозиционной части, собственно прогноз – в основной. Анализ прогностических суждений позволяет также получить представление об особенностях критического мышления в тот или иной период.

Критика рубежа XX–XXI веков демонстрирует неизжитую травму от утраты былого статуса (критики и литературы), от утраты позиций интеллектуальной прозы и поэзии. Эта осознанная «недостача» в настоящем определяет картины будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прорицатель // Знамя. 2006. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2006/6> (дата обращения: 15.04.2020).
2. Поэзия XXI века. Жизнь без читателя? // Знамя. 2012. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/2/poeziya-hhi-veka-zhizn-bez-chitatatelya.html> (дата обращения: 15.04.2020).
3. «Раз в крещенский вечерок...» Литературные мечтания // Знамя. 2018. № 1. С. 185–199.
4. Чхартушвили Г. Похвала равнодушию. Приятные рассуждения о будущем литературы // Знамя. 1997. № 4. С. 207–214.
5. Ибатуллин Р. Взгляд на русскую литературу 2183 года // Знамя. 2000. № 3. С. 183–192.
6. Егоров Б. Ф. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. Л.: Сов. писатель, 1980. 320 с.
7. Боcharов А. Г. Жанры литературно-художественной критики: лекции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 50 с.
8. Зельдович М. Г. Программность критики и критические жанры. К постановке проблемы // Русская литературная критика: история и теория: межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988. С. 88–97.
9. Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Сов. писатель, 1981. 550 с.
10. Крылов В. Н. Русская литературная критика: проблемы теории, истории и методики изучения. М.: Флинта: Наука, 2016. 240 с.
11. Гроссман Л. П. Жанры художественной критики // Искусство. 1925. № 2. С. 61–81.
12. Поляков М. Я. Поэзия критической мысли. О мастерстве Белинского и некоторых вопросах литературной теории. М.: Сов. писатель, 1968. 342 с.
13. Казначеев С. М. Теория литературной критики: учебное пособие. М.: Рутения, 2018. 622 с.
14. Бавильский Д. Критика: последний призыв. Круглый стол // Знамя. 1999. № 12. С. 147–157.
15. Пустовая В. Китеж непотопляемый // Октябрь. 2006. № 10. С. 153–170.
16. Рудалев А. В ожидании критики // Вопросы литературы. 2007. № 4. С. 42–61.

REFERENCES

1. Proricatel' (Soothsayer). *Znamja*, 2006, no. 6. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (accessed 15 April 2020) (in Russian).

2. Poetry of the XXI century. Life without a reader?. *Znamja*, 2012, no. 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/2/poeziya-hhi-veka-zhizn-bez-chitatatelya.html> (accessed 15 April 2020) (in Russian).
3. "Once in a baptism evening ..." Literary dreams. *Znamja*, 2018, no. 1, pp. 185–199 (in Russian).
4. Chhartishvili G. Praise for indifference. Pleasant discussions about the future of literature. *Znamja*, 1997, no. 4, pp. 207–214. (in Russian).
5. Ibatullin R. A look at Russian literature in 2183. *Znamja*, 2000, no. 3, pp. 183–192 (in Russian).
6. Egorov B. F. *O masterstve literaturnoj kritiki. Zhanry. Kompozicija. Stil'* [On the Mastery of Literary Criticism. Genres Composition. Style]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1980. 320 p. (in Russian).
7. Bocharov A. G. *Zhanry literaturno-hudozhestvennoj kritiki: lekicii* [Genres of Literary and Artistic Criticism: Lectures]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. 50 p. (in Russian).
8. Zel'dovich M. G. Programming criticism and critical genres. To the statement of the problem. In: *Russkaja literaturnaja kritika: istorija i teorija: mezhvuz. nauch. sb.* [Russian literary Criticism: History and Theory: Collection of Scientific Works]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1988, pp. 88–97 (in Russian).
9. Maksimov D. E. *Poezija i proza Al. Bloka* [Blok's Poetry and Prose]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1981. 550 p. (in Russian).
10. Krylov V. N. *Russkaja literaturnaja kritika: problemy teorii, istorii i metodiki izuchenija* [Russian Literary Criticism: Problems of Theory, History and Methods of Study]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2016. 240 p. (in Russian).
11. Grossman L. P. Genres of art criticism. *Iskusstvo*, 1925, no. 2, pp. 61–81 (in Russian).
12. Poljakov M. Ja. *Poezija kriticheskoj mysli. O masterstve Belinskogo i nekotoryh voprosah literaturnoj teorii* [Poetry of Critical Thought. About Belinsky's Mastery and Some Issues of Literary Theory]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1968. 342 p. (in Russian).
13. Kaznacheev S. M. *Teorija literaturnoj kritiki: uchebnoe posobie* [Theory of Literary Criticism: A Training Manual]. Moscow, Ruteniaya Publ., 2018. 622 p. (in Russian).
14. Babil'skii D. Criticism: The Last Call. *Znamja*, 1999, no. 12, pp. 147–157. (in Russian).
15. Pustovaja V. Kitezh unsinkable. *Oktjabr'*, 2006, no. 10, pp. 153–170 (in Russian).
16. Rudalev A. Waiting for criticism. *Voprosy literatury*, 2007, no. 4, pp. 42–61 (in Russian).

Поступила в редакцию 05.05.2020 / После рецензирования 22.06.2020 / Принята 23.07.2020
Received 05.05.2020 / Revised 22.06.2020 / Accepted 23.07.2020